

УДК 343.848.3

DOI 10.33463/2072-2427.2020.15(1-4).2.134-141

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА АФОНЧЕНКО,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры права и экономических теорий,
Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации (БТЭУ),
г. Гомель, Республика Беларусь,
e-mail: atp76@mail.ru

ОБ УСТРАНЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РАМКАХ РЕАЛИЗУЕМОГО ПОСТПЕНАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ (С УЧЕТОМ ИДЕЙ А. С. МИХЛИНА, СФОРМУЛИРОВАННЫХ В МОНОГРАФИИ «ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ», 1969 Г.)

Для цитирования

Афонченко, Т. П. Об устранении последствий преступления в рамках реализуемого постпенального контроля (с учетом идей А. С. Михлина, сформулированных в монографии «Последствия преступления», 1969 г.) / Т. П. Афонченко // Уголовно-исполнительное право. – 2020. – Т. 15(1–4), № 2. – С. 134–141. – DOI : 10.33463/2072-2427.2020.15(1-4).2.134-141.

Аннотация. В основу представленной статьи положена идея профессора А. С. Михлина об обязательном учете судом предотвращения виновным вредных последствий совершенного преступления, добровольного возмещения им нанесенного ущерба, устранения причиненного вреда в силу влияния подобных действий виновного на решение вопроса о степени его общественной опасности. В развитие указанной идеи, а также на основании международных правовых стандартов в рассматриваемой области автор обращает внимание на эффективность активной позиции суда в формировании и коррекции программ постпенального контроля и социальной адаптации осужденных, освобождаемых из исправительного учреждения после отбытия наказания.

Ключевые слова: последствия преступления, возмещение вреда, осужденный, ресоциализация, социальная адаптация, постпенальный контроль, превентивный надзор, профилактическое наблюдение, изоляция от общества, освобождение от наказания.

© Афонченко Т. П., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Введение

Не единственной, но весьма важной особенностью реализации инноваций в правовой сфере является эффект, сравнимый с эффектом мультипликатора в экономике, проявляющийся в нарастании ожидаемых результатов того или иного реформаторского решения и включении в сферу его влияния все более широких правовых сфер. Иными словами, системность массива правовых норм и его внутренняя взаимозависимость приводят к осязаемому влиянию каждой из отдельных норм на весь массив в целом, что наталкивает на мысль об актуальности учета всех возможных влияний на действующее законодательство тех изменений, которые, казалось бы, затрагивают только одну его отрасль или институт. В полной мере подобное справедливо в контексте уголовно-правового воздействия, инструменты которого способны наиболее существенно вмешиваться в сферу прав и свобод личности, ограничивая их. Следовательно, именно в данной сфере любые инновации должны реализовываться с наибольшей долей осторожности, основываться на идеях, проверенных временем. К числу идей, имеющих непреходящую ценность, не теряющих своей значимости, относятся труды профессора А. С. Михлина.

Основная часть

В 1969 г. А. С. Михлиным была издана монография «Последствия преступления», адресованная научной общественности и в то же время имеющая серьезное прикладное значение. Одна из глав монографии, наиболее заинтересовавшая нас в контексте разрабатываемой системы социального контроля и его реализации на постпенальных стадиях, посвящена значению последствий преступления и их учету при назначении наказания (гл. 3) [1, с. 74].

А. С. Михлин отмечает, что судебная практика нередко сталкивается с предотвращением виновным вредных последствий совершенного преступления, добровольным возмещением нанесенного ущерба, устранением причиненного вреда [1, с. 86]. Указанные обстоятельства, по мнению автора, существенно отличаются от ситуаций, когда вред не наступил или оказался меньшим, чем предполагаемый, ввиду ряда факторов, не зависящих от воли виновного. А. С. Михлин в анализируемой работе выступает сторонником так называемой системы факультативного снижения наказания, поскольку именно такой подход позволяет суду учесть при назначении наказания самые различные обстоятельства, влияющие на степень общественной опасности виновного лица [1, с. 85]. В ситуации, когда вред предотвращается или уменьшается благодаря сознательной деятельности виновного лица, это значительно уменьшает его общественную опасность. Именно поэтому действующее уголовное законодательство традиционно включает в число обстоятельств, смягчающих ответственность, чистосердечное раскаяние в совершенном преступлении; активное содействие выявлению преступления, изобличению других участников преступления, розыску имущества, приобретенного преступным путем; оказание медицинской или иной помощи потерпевшему непосредственно после преступления; добровольное возмещение ущерба, уплату дохода, полученного преступным путем, устранение вреда, причиненного преступлением; иные действия, направленные на заглаживание такого вреда (пп. 2–4 ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Республики Беларусь, далее – УК РБ). Согласно ст. 69 УК РБ при наличии хотя бы одного из смягчающих обстоятельств, указанных в пп. 3, 4 ч. 1 ст. 63 УК РБ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не может превышать половины максимального срока или размера избранного судом вида основного наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РБ (за исключением

осуждения за совершение особо тяжкого преступления, сопряженного с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах.

Прежде всего в восстановлении нарушенного общественного порядка, заглаживании нанесенного потерпевшему вреда, по мнению Е. В. Максименко, проявляется социальная функция наказания, удовлетворяется общественная потребность в воздействии на виновного [2, с. 14]. На рубеже XIX–XX вв. Дж. Мид отмечал: «Враждебность по отношению к нарушителю закона неизбежно предполагает установки на возмездие, подавление и исключение. Последние не обеспечивают нас никакими принципами для искоренения преступности, для возвращения нарушителя к нормальным социальным отношениям или для формулировки нарушенных прав и установлений с точки зрения их позитивных социальных функций» [3, с. 249].

Говоря об эффективной системе социального уголовно-правового контроля сегодня, мы в то же время полагаем, что уголовно-правовое воздействие в форме наказания не является единственным возможным средством достижения целей уголовной ответственности, однако и при использовании иных альтернативных форм реализации последней (согласно ст. 46 УК РБ уголовная ответственность также может выражаться в осуждении с отсрочкой исполнения назначенного наказания; с условным неприменением назначенного наказания; без назначения наказания; в осуждении с применением в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного характера) идея о выявлении действительного отношения лица, совершившего преступление, к причиненным последствиям, проявляющегося в степени активности в устранении данных последствий, в обязательном порядке находит свою реализацию. Так, при осуждении с отсрочкой (ст. 77 УК РБ) суд может обязать осужденного принести извинение потерпевшему, в определенный срок устранить причиненный вред; аналогичное положение установлено при осуждении с условным неприменением наказания (ст. 78 УК РБ). При осуждении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного характера возложение обязанности публично или в иной форме, определяемой судом, принести извинение потерпевшему (иными словами, устранить или сгладить причиненный моральный вред), а также возложение на несовершеннолетнего, достигшего пятнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, обязанности возместить своими средствами или возместить своим трудом причиненный ущерб при условии, что несовершеннолетний имеет самостоятельный заработок и размер ущерба не превышает его среднемесячного заработка (дохода), собственно, выступают в качестве мер воспитательного характера (ст. 117 УК РБ).

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 88 УК РБ) и с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем (ст. 88.1 УК РБ), содержательно предполагает устранение последствий преступления, а освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК РБ) предусматривает устранение наступивших последствий в качестве обязательных критериев применения названных оснований освобождения.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 90 УК РБ) возможно при условии примерного поведения, доказывающего исправление лица. В свою очередь, доказавшим свое исправление согласно ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК РБ) может быть признан осужденный, если он принял письменное обязательство о правопослушном поведении, не имеет взысканий, добросовестно относится к труду или учебе, выполнению работ по коллективному самообслу-

живанию, уборке и благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий и проявляет разумную инициативу в иной общественно полезной деятельности, а осужденный, не погасивший до постановления приговора ущерб, причиненный преступлением, – если он также принял все зависящие от него меры по возмещению ущерба, и все перечисленное свидетельствует о том, что у осужденного сформирована готовность вести правопослушный образ жизни. Замена неотбытой части наказания более мягким (ст. 91 УК РФ) также в качестве одного из условий предполагает принятие мер по возмещению причиненного ущерба.

Стимулирование позитивного постпреступного поведения, как утверждают Ю. В. Голик, А. И. Коробеев, должно привести к устранению или уменьшению вредных последствий совершенного преступления действиями самого виновного [4, с. 118]. Данное утверждение в целом лежит в русле идеи оптимизации системы средств уголовно-правовой защиты граждан от несправедливости [5, с. 33]. Международные правовые стандарты и рекомендации и на их основе национальные законодательные системы различных государств значительную долю внимания уделяют реституционному правосудию, видя в нем альтернативу устоявшимся стереотипам пunitивного (от англ. *punitive* – карательный) правосудия, в практике правоприменительной деятельности (следственной и судебной) приобретающего обвинительный уклон. Призыв к разработке политики, процедур и программ реституционного правосудия, строящихся на уважении прав, потребностей и интересов потерпевших, правонарушителей, общин и всех других сторон, содержится в п. 28 Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI в., принятой в рамках работы X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 2000 г. [6].

На наш взгляд, в рамках процедур восстановительного (реституционного) правосудия как формы компромисса и в определенной степени достижения гармонии между принуждением и поощрением в уголовном праве можно говорить о частичной ресоциализации виновного лица, которое реально осознает масштаб причиненных последствий в процессе непосредственного общения с потерпевшим, и уже на данном этапе может восстановить свое доброе имя путем возмещения вреда и, избежав таким образом возможной стигмации, успешнее reintegrироваться в общество [7, с. 43]. Значительный потенциал в стимулировании положительного постпреступного поведения позволяет, по мнению Л. В. Павловой, рассматривать, например, добровольное устранение причиненного вреда и уголовно-правовую реституцию в качестве самостоятельных средств уголовно-правового воздействия [8, с. 148–155; 9, с. 179–183].

Примирение обвиняемого и потерпевшего в русле целеполагания на основе концепции восстановительно-реабилитационного правосудия (в первую очередь в отношении лица, находящегося в конфликте с уголовным законом) является, скорее, средством достижения целей, в числе которых, как отмечает А. А. Ескендеров, помимо стремления минимизировать или избежать применения традиционной уголовной санкции посредством примирения с потерпевшим и возмещения ему причиненного преступлением ущерба, присутствует стремление выработать на данной основе программу социальной реабилитации лица вне рамок реализации уголовной ответственности либо на базе реализации одной из ее мер [10, с. 128–133]. Вне такого контекста построение системы эффективного социального уголовно-правового контроля осужденного и его социальной реабилитации, в том числе в постпенальный период реализации уголовной ответственности, бесперспективно.

Иными словами, преувеличение значимости института возмещения вреда для решения вопроса об исправлении осужденного и трансформация его в сугубо экономическую плоскость в социальном и криминологическом отношении дискредитирует уголовный закон и его цели, реализуемые посредством неотвратимости уголовной ответственности, которая должна и может замещаться иными мерами социально-профилактического или реабилитационного характера. Сближение уголовно-правового воздействия с экономической составляющей (так называемая фискальная функция уголовного права) в целом подвергается критике [11, с. 73; 12, с. 243]. Программа принудительной реабилитации лица вне уголовной ответственности или наряду с ее применением – это не просто процедура примирения с потерпевшим и возмещение причиненного морального, физического и материального вреда, а социально-криминологическая диагностика (объективных и субъективных причин преступного и иного антиобщественного поведения) лица, условий его жизни и воспитания на предмет степени антиобщественной запущенности и ее мотивационной устойчивости, по результатам которой составляется программное (комплексное) реабилитационное заключение.

В подобном контексте освобождение от уголовной ответственности или наказания – это не завершение реализации уголовной ответственности, а ее последовательное продолжение. В процессуальном отношении – это передача уполномоченным органом уголовного преследования или судом материалов дела структурам, осуществляющим постпенальный контроль, которые, в свою очередь, предметно и целенаправленно осуществляют комплекс реабилитационных программ в отношении лица на индивидуальной основе.

Эффективно сформированная для этих целей социальная инфраструктура государственных и негосударственных учреждений призвана осуществлять реабилитационную программу как альтернативу сугубо карательным или относительно карательным функциям уголовной ответственности. Это наиболее приемлемая форма программного осуществления исправительного воздействия в постпенальный период. Она персонализированно ориентирована на ответственное и контролируемое самововлечение лица, вступившего в конфликт с уголовным законом, в процесс позитивной социальной реинтеграции в общество, учитывает его заинтересованность и самоответственность на основе разрешения конфликта с потерпевшим с необходимостью возмещения причиненного вреда, а также добропорядочного и бесконфликтного поведения на постоянной основе. В случае умышленного неисполнения лицом обусловленных подобной пробационной программой мер воздействия, в том числе сочетающейся, например, с мерами профилактического наблюдения и превентивного надзора, пробация по представлению специализированного государственного органа отменяется судом и материалы направляются для привлечения лица к уголовной ответственности, если не истек срок давности.

В. Н. Бибило, конструируя классификацию конституционных принципов правосудия, отмечает воспитательно-предупредительную роль судебного процесса [13, с. 43]. В. В. Лазарев небезосновательно утверждает, что именно суд, осуществляя в правопорядке коммуникативную функцию, транслирует тем самым правообразование [14, с. 8] и, на наш взгляд, более чем способен воздействовать на широкий круг индивидов в актуальном на данный момент направлении, в том числе с точки зрения ресоциализирующего воздействия. На безусловное влияние суда на эффективность профилактической и ресоциализационной деятельности и возможность реализации целевого назначения уголовного судопроизводства в том числе корректировкой уголовно-правового

воздействия на лицо в соответствии с достигнутой мерой его исправления обращают внимание Е. Н. Матвиенко, В. Н. Бибило [15, с. 10–13]. По мнению С. Г. Келиной, уголовно-правовая концепция института освобождения от уголовной ответственности состоит в первую очередь в том, что освобождение виновного лица от уголовной ответственности за совершенное преступление заключается в освобождении его от вынесения отрицательной оценки его поведения в форме обвинительного приговора [16, с. 30]. Именно в подобном контексте освобождение от ответственности воспринимается лицом, совершившим преступление. Согласимся с В. Н. Бибило, полагающей, что «...неверно недооценивать то воспитательное воздействие, которое оказывает на обвиняемого и других граждан ход предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела...» [15, с. 6]. В то же время лица, освобожденные от уголовной ответственности, в том числе по так называемым нереабилитирующим основаниям, составляют не менее 6 тыс. чел. ежегодно. Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности» впервые совершившим преступление применительно к ст. 86, 88, 89 УК РБ считается лицо, которое совершило одно преступное деяние в первый раз или когда за предыдущее деяние лицо было освобождено от уголовной ответственности, либо по нему истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, либо судимость была погашена или снята в установленном законом порядке. Иными словами, при освобождении лица от уголовной ответственности по указанным основаниям учесть социальную ориентацию на совершение преступлений в случае, если лицо нарушает уголовный закон вновь, суд не может. В то же время, находясь вне какого-либо вида контроля, в том числе регистрационного, значительная часть указанных лиц составляет криминалорискованный контингент ввиду полного отсутствия постпенального профилактически-реабилитационного воздействия на них. Как полагает А. В. Ендольцева, «...там, где возможен процесс индивидуализации правовых последствий совершенного преступления... его осуществление должно являться исключительной прерогативой суда» [17, с. 58]. Подобное вполне согласуется с инновационными криминологическими исследованиями, в соответствии с которыми в фокусе научно-теоретического и практико-ориентированного знания должны в большей степени находиться факторы, способствующие удержанию от совершения преступлений, нежели причины, им способствующие [18, с. 62].

Заключение

В связи с изложенным выше, на наш взгляд, существенно актуализируется необходимость расширения правового статуса применения профилактических мер в постпенальный период, в том числе после погашения судимости, на основе мониторинговых заключений о нахождении соответствующих лиц (бывших осужденных) в состоянии риска повторного совершения преступления, с учетом факта устранения или минимизации моральных, физических и материальных последствий совершенного преступления. Указанное решение об установлении за лицом соответствующего вида уголовно-правового постпенального контроля должно приниматься судом. В основе предлагаемого элемента восстановительно-реинтеграционного правосудия лежит тот факт, что осужденный непосредственно должен продемонстрировать готовность придерживаться социально полезного (в идеале) или минимально социально нейтрального (не вредного, не общеопасного) стандарта поведения. Подобная готовность, усиленная мотивацией положительных жизненных установок, должна быть сформирована в рамках учреждения

исполнения наказания, проявлена осужденным в различных вариантах (нахождение на улучшенных условиях содержания; осуществление совместно со службой социальной адаптации ИУ комплекса стандартных подготовительных мероприятий, обеспечивающих возможность дальнейшей ресоциализации в условиях контролируемой свободы; отсутствие взысканий; заинтересованность в получении образования, профессии; активная позиция в ходе проведения воспитательных мероприятий; возмещение причиненного ущерба) и констатирована судом при применении таких институтов, как замена наказания более мягким, условно-досрочное освобождение, досрочное снятие судимости. В отношении лиц, освобожденных от уголовной ответственности, подобная стратегия также вполне адекватна: готовность к социализации проявляется в рамках соблюдения контрольно-ограничительных и исправительных обязанностей в условиях нахождения в режиме постпенального контроля. Использование конструктивных реабилитационных (воспитательно-профилактических) механизмов позволяет избежать так называемого ситуативного раскаяния, продиктованного желанием избежать применения уголовной ответственности или смягчить ее по установленному факту совершения преступления, выражаемого в сиюминутном чистосердечном раскаянии и в обобщенной установке на соблюдение правопорядка, не подкрепленной фиксированными навыками осознанного правопослушного поведения.

Библиографический список

1. Михлин А. С. Последствия преступления. М. : Юрид. лит., 1969. 104 с.
2. Максименко Е. В. Социальная функция уголовного наказания // Сборник работ 67-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета (Минск, 17–20 мая 2010 г.) : в 3 ч. Минск : Издат. центр БГУ, 2011. Ч. 3. С. 14–18.
3. Мид Дж. Психология пунитивного правосудия // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренькова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. 496 с.
4. Голик Ю. В., Коробеев А. И. Преступность – планетарная проблема (к итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию). СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. 215 с.
5. Лобанова Л. В. Оптимизация системы уголовно-правовых средств защиты граждан от неправоудия // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. : в 2 ч. / редкол. С. Е. Чебуранова (гл. ред.). Гродно : Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы, 2018. Ч. 2. С. 33–36.
6. Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века : принята на X Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, 10–17 апр. 2000 г.). URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/vendec.shtml (дата обращения: 10.01.2020).
7. Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе : учеб.-метод. пособие / под ред. У. Хелльманна, С. А. Балашенко, Л. Л. Зайцевой. Минск : Издат. центр БГУ, 2015. 223 с.
8. Павлова Л. В. Добровольное устранение вреда, уголовно-правовая реституция и государственная компенсация как средства обеспечения права потерпевшего от преступления на устранение причиненного вреда // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе : сб. науч. ст. / под ред. Д. В. Шаблинской. Минск : Бизнесофсет, 2016. Вып. 2. С. 143–175.
9. Павлова Л. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с положительным постпреступным поведением: к вопросу о дальнейшем развитии теоретических

положений // Тенденции развития юридической науки и практики совершенствования правовых институтов в условиях формирования инновационного общества : сб. науч. ст. : в 2 ч. / редкол. С. Е. Чебуранова (гл. ред.). Гродно : Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы, 2019. Ч. 1. С. 179–183.

10. Ескендиоров А. А. Ювенальная медиация (из опыта Республики Казахстан) // Право.by. 2016. № 4(42). С. 128–133.

11. Кострова М. Б. Уголовно-правовые механизмы компенсационного характера как один из трендов «экономико-ориентированной» уголовной политики России // Уголовное право. 2017. № 4. С. 73–79.

12. Скрипченко Н. Ю. Преодоление экономического кризиса уголовно-правовыми средствами // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики : материалы XI Российского конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора В. С. Комиссарова (Москва, 31 мая – 1 июня 2018 г.). М. : Юрлитинформ, 2018. С. 240–243.

13. Бибило В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. Минск : Университетское, 1986. 160 с.

14. Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 5–18.

15. Матвиенко Е. А., Бибило В. Н. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1982. 205 с.

16. Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М. : Наука, 1974. 232 с.

17. Ендольцева А. В. Освобождение от уголовного преследования: от теоретических рассуждений к *de lege ferenda* // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 56–58.

18. Шестаков Д. А. Противодействие // От преступной любви до преступного законодательства. Статьи по криминологии, интервью. СПб. : Альфа-пресс, 2015. С. 59–72.